Людмила ТЕРНОВАЯ

Войны в кофейном и чайном «пространствах»

За долгие годы развития человеческого общества накопилось много разных вариантов социокультурной идентификации путем противопоставления свободных и рабов, белых и черных, грамотных и неграмотных, стран севера и юга... Постепенно социальные и экономические индикаторы сравнений отступают на задний план, а вперед выходят индикаторы культурологические. Во-первых, такие признаки помогают прослеживать процесс в динамике, видеть его истоки. Во-вторых, они являются указателями различий на социальной, экономической или политической почве, фиксируя их на коммуникативном уровне. В-третьих, на основе понимания природы коммуникационных различий можно представить пути их преодоления, выстроить мосты между противоположными общностями.

В истории культурных войн мало открытых битв, а соперничество ведется тихо, планомерно и по-своему красиво. Все это отчетливо видно на примерах «кофейной» и «чайной» культур, не только отражающих две непохожие модели поведения людей, начиная с поведения в быту и заканчивая политическим поведением, но и формирующих собственные культурные пространства, обладающие геополитическим признаками.

Впервые бодрящие свойства кофе были замечены пастухами древней Эфиопии. Арабские кочевники, пересекавшие Эфиопию, научились готовить напиток, называемый ими qahwah (дословно – мешающий заснуть). Когда к напитку приобщилась значительная часть населения Ближнего Востока, название qahve преобразилось в caffe. В 1470-х гг. первый кофейный магазин «Kiva Han» появился в Стамбуле. Кофе стал таким необходимым атрибутом жизни, что турецкие законы разрешали женщине развестись с мужем, если он не мог обеспечить ее ежедневной чашкой кофе. Кофе поддерживало бодрость духа и тела, что не всегда отвечало интересам власти: в начале XVI в. наместник египетского султана в Мекке Хайр-бек, исходя из требований Корана, не разрешающего правоверным пить возбуждающие напитки, издал закон, запрещающий употреблять кофе, велел закрыть кофейни и сжечь запасы кофе. При султане Магомете IV (1642–1691) поклонники кофе приравнивались к преступникам, их казнили, обезглавливая, либо бросали в море, зашитыми в мешок от кофейных зерен. Однако и сам напиток, и особая атмосфера кофеен были так популярны на Востоке, что их искоренению не помогали никакие строжайшие меры.

В Европу кофе завезли итальянские торговцы. В начале XVII века кофейни были открыты уже по всей Италии. Противники кофе обратились к папе Клименту VIII с просьбой его запретить, но папе напиток понравился, и он благословил его употребление. Внедрению кофе в английскую кухню способствовало мнение о благотворном влиянии кофе на умственную деятельность человека, что сделало кофейни особенно популярными в университетских городах. С тех пор, как в 1637 году открылось кофейное заведение в Оксфорде, они стали местом проведения дискуссий студентов и преподавателей. Чашка кофе там стоила лишь пенни, что явилось

Людмила Терновая, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института политики и деловых коммуникаций (119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4). E-mail: 89166272569@mail.ru

Аннотация: В статье кратко показаны история проникновения кофе и чая на Европейский континент и особенности формирования «кофейной» и «чайной культур», имеющих противоположные политико-психологические и несовпадающие геополитические координаты. Выделены особенности смешанной – «кофейно-чайной» культуры России.

Ключевые слова: политические клубы, Французская революция, «кофейная» культура, «чайная» культура.

CULTURE WARS IN THE COFFEE AND TEA «SPACES»

Ludmila Ternovaya, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of Politics and Business Communication (Pudovkina str. 4, Moscow, Russian Federation, 119285). E-mail: 89166272569@mail.ru

Summary: This paper briefly shows the history of the penetration of tea and coffee into the European continent and the features of formation of coffee culture and tea culture with opposing political, psychological and divergent geopolitical coordinates. Also specifics of coffee and tea mixed culture of Russia are defined.

Keywords: political clubs, the French Revolution, coffee culture, tea culture.

основанием для прозвища кофеен – «грошовые университеты». Студенты основали «Оксфордский кофейный клуб», ставший зародышем Королевского научного общества. С историей кофе связано и возникновение в конце XVII в. морского страхового общества, благодаря тому, что страховщики собирались в одном из кафе на Тауэр-стрит, содержателем которого был Эдвард Ллойд. Мужчин кофейни привлекали возможностью вырваться из женского окружения, поскольку присутствие женщины в кофейне считалось неприличным. В ответ жительницы Лондона составили и вручили королю «Петицию против кофе». Опасаясь прогрессивных политических течений, английский король Карл II в 1675 году запретил открытие кофеен, однако общественное возмущение было столь велико, что запрет просуществовал чуть более десяти дней.

В конце XVII в. голландцы нелегально вывезли кофе из арабского порта Мокка, давшего название одному из лучших сортов кофе. Голландцы первыми начали культивировать кофе в коммерческих масштабах на островах Цейлон, Ява и Суматра. В 1714 году бургомистр Амстердама подарил Людовику XIV саженцы кофейных деревьев, которые благополучно прижились в королевских оранжереях. Король специальным указом даже одобрил «напиток жизни». В 1723 году французский морской офицер Габриэль де Клие похитил саженец и перевез его на остров Мартиника, откуда культура кофе распространилась в Вест-Индию, Центральную и Южную Америку. Людовик XV был страстным любителем кофе, выращивал кофе в версальских теплицах.

Кофейни появились сначала в приморских городах Франции, а затем и в столице. Самую старую из них – «Прокоп» (Le Procope) – открыл сицилиец Франческо Прокопи, имевший королевскую лицензию на продажу прохладительных напитков. Кофейня стала излюбленным местом встреч актеров, писателей, музыкантов. Ее завсегдатаем был Вольтер, любивший смесь кофе с шоколадом. Когда два столетия спустя кафе «Прокоп» закрылось, столик и стул, которыми постоянно пользовался Вольтер, были сохранены в качестве исторической реликвии. Постоянными посетителями кафе были Руссо, Дидро, Даламбер, Бомарше. Во время Французской революции в кафе «Прокоп» можно было услышать речи Марата, Робеспьера, Дантона. Малоизвестный офицер Наполеон Бонапарт, приходил сюда играть в шахматы. Однажды, не имея достаточной суммы, он был вынужден оставить в залог свою шляпу, чтобы расплатиться по счету. В кафе, бывая в Париже, наведывались лидеры борьбы за независимость американских колоний Англии Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон.

Немецкий историк и социолог Генрих Кунов в очерке о парижских кофейнях времен революции отмечает царившую в них атмосферу азарта, проявлявшуюся в карточной игре, ставки в которой с развертыванием революции становились все крупнее. Кунов пишет, что за столами шли бурные дискуссии и нередко обмен мнений заканчивался взаимными ругательствами и рукоприкладством. Периодически поднимался кто-нибудь из любителей поговорить, прочитывал что-либо вслух из газеты или памфлета, обращался к собравшимся с речью или декламировал какое-нибудь сатирическое стихотворение [Кунов, 1926].

Вначале публику кафе составляли преимущественно состоятельные люди. Рабочие, мелкие ремесленники и служащие заходили сюда крайне редко. Все изменилось по окончанию выборов и открытия заседаний Генеральных штатов, когда кофейни превратились в своеобразные штаб-квартиры разных политических сил. Политическую специализацию посетителей кофеен ярко описал Виктор Гюго в романе «Девяносто третий год» [Гюго, 1956].

Из-за шумных споров и выступлений отношения посетителей некоторых кофеен с городским управлением довольно скоро ухудшились. 1 сентября 1789 года оно выпустило постановление, предписывающее Национальной гвардии применять все имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы Коммуны против нарушителей общественного спокойствия. С середины 1791 года кофейни превратились в своеобразные штабы противоборствующих сил. Сначала кофейня «Отто» была «агитационным кафе» якобинцев. Затем в начале 1793 г. якобинцы полюбили посещать кофейню «Корацца». Кунов высказывает предположение, что именно в «Корацце» собирались те, кто ненавидел жирондистов и готовил их свержение. Спор между жирондистами и якобинцами вылился в борьбу на жизнь или смерть. 2 июня 1793 года 32 жирондиста были арестованы, а позже почти все казнены за измену отечеству. Активность антибриссотинцев в «Корацце» стала уменьшаться. После Термидора это место стало любимым кафе Поля Барраса, назначенного главнокомандующим вооруженными силами Парижа. Среди тех, с кем у Барраса были встречи в кафе, упоминался и молодой генерал Бонапарт.

История парижских кафе того периода показывает, что у политически активных групп в каждую эпоху обнаруживается собственная площадка, на которой активисты апробируют свои силы, а затем протест выливается в общество – на улицы, баррикады, на площади.

Когда история протеста облекается в международную форму, такие площадки зарождения сопротивления внешней силе превращаются в национальный символ. Так было в Австрии. В 1683 г. Вену осадили турки. Осада была тяжелой. В городе начался голод, эпидемии, дизентерия. Муниципальный совет думал о сдаче. Помощь пришла со стороны авантюриста Юрия-Франца Кульчицкого, который сумел выбраться из Вены и обратиться за подмогой к герцогу Лотарингии Карлу V. Войска европейских союзников под предводительством польского короля Яна III Собеского сняли с города блокаду, а Кульчицкий стал героем, которому Ян III отдал 300 мешков кофе, захваченного у турок. Кульчицкий ходил по улицам Вены с подносом, уставленным кувшинчиками с кофе, предлагал горожанам «кофе по-венски», в который для смягчения вкуса добавлялись мед и

молоко. Он же придумал закуску – маленькие рогалики, напоминающие кусочек османского полумесяца. Так кофе надолго закрепилось в австрийской культуре, а бал владельцев венских кофеен и сейчас входит в число пяти основных Венских балов. Из Австрии любовь к кофе перекинулась в Германию, которую также можно причислить к пространству «кофейной» культуры. В Гамбургском порту до сих пор находятся самые большие в мире склады кофе.

О том, что распространение по странам мира культуры кофе может быть определено как специфическая кампания в культурной войне, говорит история сплетения внешнеполитических и персональных интриг на «поле битв». В результате такого процесса с начала XVIII в. возникает бразильская кофейная промышленность. Лейтенант-полковник Франциско Палхета был послан правительством для проведения границы между французскими и голландскими колониями в Гвиане. Он не только урегулировал проблему, но и установил секретную связь с женой французского губернатора. Франция тщательно охраняла свои кофейные плантации в Новом Свете, но француженка подарила Палхету на прощание букет, в котором были спрятаны семена и отростки кофе. А в 1730 г. уже англичане ввезли кофейные деревья на Ямайку, еще год спустя, благодаря испанцам, кофейное дерево появилось на острове Санто-Доминго.

Кофе заставляет людей учиться взаимодействовать друг с другом. В 1963 году создана Международная организация по кофе (International Coffee Organization, ICO), основной задачей которой является реализация положений Международного соглашения, призванного содействовать развитию сотрудничества в области производства, торговли и переработки кофе. Членами организации стали 62 страны. В 1993 году страны-экспортеры объединились в Ассоциацию стран производителей кофе (АСПК), что позволило сдерживать чрезмерное падение цен на зеленый кофе путем их регулирования и увеличения резервных поставок. Сегодня торговля кофе по объему продаваемой продукции занимает третье место в мире после торговли нефтью и наркотиками.

К странам «кофейной» культуры относятся США, Канада, Германия и Япония. В Скандинавских странах – большой процент потребления кофе на душу населения. Например, в Финляндии на одного человека приходится 10 кг кофе в год, за ней идут Норвегия, Швеция и Дания. Распространение культуры кофе особенно активно захватило северные страны. Там кофейные вечеринки являются важной составляющей культуры развлечений, а кофе помогает переживать холода и длительное отсутствие солнечного света.

С «чайной» культурой все обстояло совсем иначе. Важнейшая для качества этого напитка часть его производства и сейчас реализуется в бывших классических колониях с дешевой рабочей силой. Будучи ярко выраженной традицией Востока, в Европе «чайная» культура изначально формировалась как культура колониального товара. На Запад она пришла в камерном выражении, которое не отразило сути философии чаепития.

На самом же Востоке «чайная» культура ассоциируется не только с проявлением уважения к традициям, но и с размышлениями о смысле жизни. Чай воспринимается как уникальная, живая сущность, символический центр, вокруг которого создается среда для общения, для взаимопроникновения культур [Виногродская, 2007, 2008; Виногродский, 2011]. Самая долгая история чая в Китае. По одной из версий, впервые чай начал заваривать император Шэнь Нун, который жил около пяти тысяч лет тому назад. В Японии чай появился в IX в. В период Камакура (1185-1333) хороший чайный лист высоко ценился и стоил очень дорого. Кувшин чая мог быть наградой воину, совершившему необычный подвиг. Тогда он собирал друзей и родственников, чтобы разделить с ними этот драгоценный дар. Возможно, отсюда идет начало чайной церемонии. Объединитель Японии Хидэёси (1537-1598), считал, что это способ влиять на людей и приобретать друзей [Тёрнбулл, 1999].

Три принципа чайной церемонии, необходимые для медитации и просветления личности, – чистота, тишина и гармония человека и природы. Мастер чайной церемонии использует стандартный набор приемов приготовления чая, но может импровизировать. Самый важный момент – засыпание чайного порошка в чашу, заливание водой и взбивание содержимого веничком в пену. Когда гостям подносят тяваны – керамические чаши, необходимо суметь принять их из рук мастера. Подносить чашу гостю принято так, чтобы он успел полюбоваться ее рисунком. Затем чашу медленными движениями разворачивают прямо перед лицом гостя другой стороной, чтобы он пил, обращаясь рисунком своей чаши к присутствующим. Пить нужно медленно, а по завершении чаепития обязательно поблагодарить хозяина, допустимо немного поговорить, например, об убранстве чайной комнаты, ветке сосны в икебане или элегантности чайной чаши, что воспитывает уважение к собеседнику, формирует умение любоваться тем, что рядом с тобой, выражать спокойствие и сдержанность чувств.

Столь подробное описание чайной церемонии помогает понять, почему пространство чайной культуры включает такие национальные традиции, которым в значительной степени присущи черты, поэтизируемые данным церемониалом. Многие такие черты мы приписываем английскому национальному характеру. Поэтому справедливо, что значительное число европейских приверженцев чая по части традиций европейского варианта «чайной» культуры ориентируется на Англию, где в искусстве чаепития выразились черты аккуратности и размеренности ритма жизни [Уилсон, 2012]. Чай стал частью распорядка дня, за который обычный англичанин выпивает в день не менее шести чашек. В Лондоне насчитывается около полутысячи чайных павильонов. Подданные Ее Величества потребляют

столько чая, сколько остальная Западная Европа, США и Канада вместе взятые. Традиционно англичане пьют чай с молоком или сливками.

В недавнем прошлом Англия легально и контрабандным путем импортировала такое огромное количество чая, что газетчики высказывали опасения по поводу здоровья нации. Появлялись публикации, доказывающие, что чай «наносит вреда не меньше, чем джин». Но британцы также активно экспортировали «чайную» культуру, например, за океан, в колонии Нового Света. Однако на пути внедрения «чайной» культуры в Северной Америке возникли финансовые преграды, отражающие политические проблемы отношений метрополии и колоний. В 1773 г. король Георг III обложил налогами чайную продукцию, направляемую в Америку. Среди американских колонистов вспыхнул бунт, известный как «Бостонское чаепитие». Жители Бостона, переодевшись индейцами, проникли на английское грузовое судно, стоявшее в гавани, и выбросили за борт весь груз – 342 ящика с чаем стоимостью 18 тыс. фунтов стерлингов. Пить чай стало непатриотично. Тогда-то кофе и превратился в национальный американский напиток, употребление которого символизировало протест против колониальной политики британской короны. Пример для американцев оказался памятным и поучительным. Точно таким же духом сопротивления, но уже политике собственных властей, должно было, по мнению его основателей, отличаться современное «Движение чаепития» (Tea Party movement), название которого иногда расшифровывают по аббревиатуре английского слова «чай» – «tea» как «Taxed Enough Already» («Хватит с нас налогов»). Требования участников различных групп «Движения чаепития» выходят за рамки налоговой политики и состоят в том, чтобы власти не оказывали никакой финансовой помощи обанкротившимся предприятиям, поддержали свободу рынка, а также в отмене инициированной президентом Бараком Обамой реформы здравоохранения как слишком затратной для бюджета и угрожающей экономике США.

К концу XIX в. страны мира четко делились на «кофейные» и «чайные». Что касается России, то она была страной одновременно и «кофейной», и «чайной». В России о кофе стало известно при Алексее Михайловиче, когда придворный лекарь Самюэль Коллинс прописал его царю в качестве лекарства. Пётр I, пристрастившийся к этому напитку в Голландии, ввел его в обычай на ассамблеях. По его распоряжению кофе угощали даже при входе в кунсткамеру. С чаем у нас в стране познакомились в XVII в., почти в то же время, что и в Европе. Однако регионально обнаружилась специфика предпочтений: кофе пили преимущественно в Петербурге, в прибалтийских губерниях, Царстве Польском, а также на Кавказе и в Закавказье. Остальная Россия была страной «чайной» культуры. Политико-психологические последствия этих различий чувствуются и в наше время.

В Россию и в Европу чай попадал разными путями. В европейские страны его доставляли по морю из южных портов Китая, а в Россию – везли верблюжьими караванами по суше, через монгольский город Кяхту, затем через Сибирь. Считалось, что чай, перевозимый по морю, впитывает влагу, что ухудшает его качество, из-за чего «русский» чай ценился выше европейского. Разница в происхождении и пути доставки чая отразилась и на названии напитка. На юге Китая сушеные чайные листья называли «те», а в северных провинциях – «ча». Потому в России и Украине пьют «чай», в Англии – tea, во Франции – thé, Италии – té, Германии – Tee.

Возможно, это лингвистическое несовпадение добавляет что-то важное в наше понимание того, почему, имея так много общего в политических традициях, Россия и Европа остаются разными вариантами пространства культуры чая. Но поскольку речь идет все же о вариациях потребительских предпочтений внутри одного пространства, можно надеяться, что культурных войн между его частями не будет. А это является одним из важнейших залогов отсутствия и настоящих войн, или, по крайней мере, серьезных конфликтов.

Литература

Виноградская В. Прекрасное дерево южной стороны, или Чайное долголетие. М.: Ганга, 2007. 104 с.

Виноградская В. Страна чая, или Изысканность простоты. М.: Ганга, 2008. 160 с.

Виноградский Б. Школа чайного пути: предметы и люди. М.: Старклайт, 2011. 128 с.

Гюго В. Девяносто третий год. Собр. соч. в 15 тт. Т. 11. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 448 с.

Кунов Г. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции / Пер. с нем. Л.: Прибой, 1926.

Тёрнбулл С. Самураи. Военная история / Пер. с англ. А.Б. Никитина. СПб.: «Евразия», 1999. 432 с.

Уилсон К. Чай с Джейн Остин / Пер. с англ. И. Голыбиной. М.: СЛОВО/SLOVO, 2012. 128 с.

References

Giugo V. *Devianosto tretii god* [Ninety third year]. In 15 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1956, vol. 11, 448 p.

Kunov G. *Politicheskie kofeini: parizhskie siluety vremen Velikoi frantsuzskoi revoliutsii* [Political coffee houses: Parisian silhouettes of times of Great French revolution]. Leningrad, Priboi Publ., 1926.

Turnbull S. *The Samurai. A Military History* (Japan Library). Richmond, 1996. (Russ. ed. Ternbull S. Samurai. Voennaia istoriia [Samurais. A Military history]. St.-Petersburg, Evraziia Publ., 1999, 432 p.

Uilson K. *Chai s Dzhein Ostin* [Tea with Jane Austen]. Moscow, SLOVO Publ., 2012, 128 p.

Vinogrodskaia V. *Prekrasnoe derevo iuzhnoi storony, ili Chainoe dolgoletie* [Fine tree of South side or tea longevity]. Moscow, Ganga Publ., 2007, 104 p.

Vinogrodskaia V. *Strana chaia, ili Izyskannost' prostoty* [Tea country or refinement of simplicity]. Moscow, Ganga Publ., 2008, 160 p.

Vinogrodskii B. *Shkola chainogo puti: predmety i liudi* [School of a tea way – subjects and people]. Moscow, Starklait Publ., 2011, 128 p.